

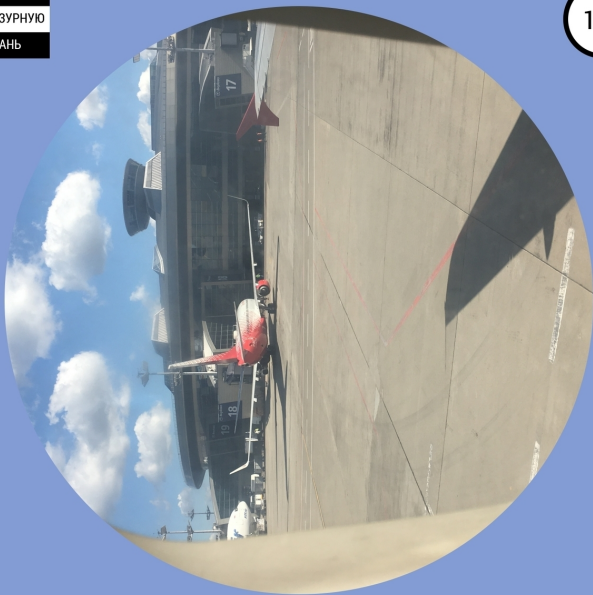
Кирилл БЕЛОНОГ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Я вернусь

наверное

Кирилл Юрьевич Белоног

Я вернусь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43655535

SelfPub; 2019

Аннотация

Проза нашего времени. Я назвал это "Я вернусь", надеясь написать продолжение. Там есть ошибки орфографические и моральные, но кому какое дело. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 2. ТАТЬЯНА	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Москва отвернётся от тех, кто приходит с вокзалов

Е. Фирсова

Мне показалось, что всё будет как обычно, тривиально и избито, что всё проходит и это пройдет, что всё забудется, сотрется, испарится, унесётся. Но.. Я так думал ровно до того момента, пока не приклеился виском к стеклу аэропортовского буса и не отвернулся от помятых граждан в бобровых шапках и вязаных варежках. До того момента, пока огромный ком обиды и неясной горечи не подкатил к моему горлу и не начал медленно тянуче проваливаться сквозь гланды, красться по глотке, выдавливая воду, называемую у баб слезами, а у мужиков никак не называемую, потому что мужики не плачут. Мужики льют иногда воду на пожары несбывшихся желаний. Мужик двадцати пяти лет переживал, как бы не расплакаться и гнал эти комки глубже и быстрее. Я отвлекался, но мысли втягивали в водоворот обиды и раскаяния обо всём, что сделал и нет.

Я снова улетал из города, обманувшего меня. Но я определенно хотел сюда вернуться, потому что этот город со всеми его минусами был заманчивым и привлекательным для всех авантюристов. Как был глубоко в душе и я. И хрен его знает, от чего были все эти комки от Татьяны, которая осталась в Москве или от Москвы, в которой осталась Татьяна.

Часть 1. УТОМИЛА.

Надоедливо-упоительная тоска, тянущаяся словно вязкая

сгущенка из синей советской банки с надписью "Сгущенное молоко". Я докуриваю и понимаю, что зря до этого не курил. Чертовски хорошо. Шучу. Конечно, я не стану давиться сигаретами, которые ненавижу, на дух не переношу. Наверное, потому, что мой папа любил задымлять кухню до уровня близкого к критическому для человека. Не то, что для гнилой кобылы. Я думаю об этом и смотрю, как очередная лошадка крутит на зубах папироску. "Эй, девочка, ты не выглядишь круто!". Но всем всё равно. Здесь вообще всем всё равно. Даже полицейским, которые вроде как должны курение в таких местах пресекать. Деревенская лимита, люди из замкадья смотрят с удивлением на москвичек и типа москвичек дымящих и тут и там, а всем остальным плевать.

Да, я в Москве. На календаре второе января я пытаюсь попасть из аэропорта в своё жилище. Или точнее пристанище. Оно принадлежит слишком доброй и милой женщине. Зовут ее, словно работницу «Красного октября», Валентина. Плюньте в меня, но мне кажется, что одну половину работниц «Красного октября» звали Валентинами, а другую – Зинами. О прошлом Валентины я ничего не знал, я знал лишь то, что теперь у нее пятикомнатная квартира в пяти минутах от Кремля. Она в её собственности и она, Валентина, её, квартиру, сдает. Сдает с улыбкой, которая совсем не наигранна и вызывает подозрение. Я слишком долго, кажется, живу, чтобы не ждать подвоха от москвичей, но тут кажется, всё чисто: не только унитаз в огромной ванной комнате, но

и порывы души Валентины.

И вот мы с Мишкой пьем чай со спокойной улыбкой. Впрочем, уверенности придает смс, отосланное еще одному замкадовцу – Николаю, приехавшему на день раньше нас. Николай поселился тогда у брата и на моё сообщение "Новый Арбат 17/1, кв.51. Пьем чай. Возможно с клофелином", он ответил "Выезжаю". Но не выехал. Он уснул. Так бывает и с друзьями и с врагами, со всеми. Я и сам, бывает, неожиданно засыпаю.

А знаете, ветер пробирает до самых костей, когда ты в тонком черном пальто, купленном в 2012-м за десятку в Мехх. Будь он не ладен. Надо было с начёсом брать на Вишняках у вьетнамцев. Хотя с брендом на пуговицах мне легче. Я жертва брендов, как и 50% москвичей и типа москвичей.

В Москве я оказался в этот раз более неожиданно, чем в прошлый. Я просто начал отмечать Новый год 30 декабря и купил билет себе на второе число. И еще я очень хотел увидеть Таню. И очень хотел в Москву, хотя и стал, кажется, по привычке, навязанной Минаевым, не любить её. Потому что она, как и всякая не приличная девка, пускает к себе только настырных, настойчивых и удачливых. И мне это не нравится. Я люблю, когда меня зовут. А она не звала. Воспринимайте это как аллегория, объясняющую, почему я был так зол и почему я не понимал, радуюсь я от приезда в столицу или злюсь. Причем злоба была дурацкая, злоба ни на что.

В первые два раза я видел лишь знаменитую московскую

сказку – она как произведения братьев Гримм, только «It consists of Russian dreams». Ну, там знаете матрешки прелестные, пряники вкусные типа тех, что раскидывали на поклонной горе во время коронации последнего русского царя. В общем, я видел только прекрасы: улыбки, культуру, хохлому и мерседесы-спринтеры, перевозящие незадачливых туристов. А еще я тогда видел Внуково натертое швабрами таджиков до блеска и Измайловский кремль, который круче этих ваших пряничных домиков. А теперь вот два хипстера тянули меня узнать настоящую Москву.

Мы вышли на сортировочной станции. Станция, которая сортирует людей на москвичей, россиян с паспортом и третий сорт. Мы вышли и зашли в место столь узкое, что я тряханул головой. Мне почудилось, что меня накачали транквилизатором и я в беспамятстве оказался в родном Краснодаре. Но нет – я был в Столице и видел как на лубяной домик, который строили еще прицаревские холопы, натянули пару баннеров неполноцветных, но рекламирующих полиграфию, а еще там оказывались компьютерные и интим услуги. Мы продвигались. Навстречу стали ковылять корреспонденты столичных ночлежек – одноногие бомжи и опухшие их омерзительные супруги.

Они даже не попрошайничали. Они просто проплывали мимо. Я чувствовал себя проверкой из роспортребнадзора или из минсоцразвития. У меня то по бумагам – 100% людей обеспечено едой, жильем и мед.обслуживанием, а тут такие

расхождения с отчетом моих нерадивых сотрудников: настоящие дети подземелья снимают шапки и прикуривают. Фу, не курите, ей богу.

Тем временем, хотелось есть даже не смотря на всё вокруг происходящее. И экскурсоводы накаляли ситуацию всё больше своим "щас, щас" в момент, когда мы пошли по битому стеклу в подьэстакаде. Навстречу шли таджики в оранжевых жилетах, а по бокам ползли уродливые графити. И я повторял про себя "графити, графити" с нарочито правильным ударением на второй слог, нахваливая себя за то, что когда-то выучил правильные ударения в словах бУнгало, ворожеЯ и графИти. И иногда эти знания помогают мне подковырнуть какого-нибудь умника или забыть о чем-то более волнительном, например, поем ли я в ближайшие пятнадцать секунд или желудочный сок продолжит разъедать стенки собственно мои.

Мы вышли на свет и я обратил внимание на торчащие из-за забора трубы. Одна из них вяло дымила белым паром. Или парила белым дымом. Тут уж кому как нравится, но лично мне в тот момент рисовалась картина, что какая-то московская бабка Яга разожгла свою сказочную домну и закидывает в нее чёрный кокс, чтобы сварить сталь, а вот под кипящим металлом она заботливо печет картошечку в мундире и непременно подаст нам ее на стол, посыпав укропом и сдоблив сливочным маслицем. "Кирь, мы пришли". "Что, – переспрашиваю машинально?". "Пришли".

Сквозь арку из кладки, выполненной старинным строгановским кирпичом, вижу надпись крупными простыми белыми буквами "ВИНЗАВО". "Д" то ли отвалилась, то ли утонула в бликах лимонного света, исходящего солнцем, но она и не нужна была. Человек ведь может понимать текст даже бз чсти бкв. Как-то это свойство мозга называется и оно совершенно атрофировано у корректоров. Поэтому любой корректор немедля воскликнул бы: "Что за винзавО" такое? Это французское слово? А я просто голодный парень и мою волю сломило только современное искусство, которое раскинулось в цехах бывшего алкогольного производства.

И я уже собирался удивляться, поражаться от настоящих инсталляций и перфомансов. Я, не искушенный краснодырский зритель, видевший только Фудфест в Чистяковке и собрание горстки свидетелей вылепления памятника казакам скульптором Аполлоновым на бывшем заводе измерительных приборов, я жаждал московского чуда, но оно не произошло. Из подворотни вывернул бедолага, перемолотый беспощадным новым годом. Он смачно, совсем некультурно отрыгнул и посмотрел на нас то ли с восторгом, то ли с ненавистью, а потом улыбнулся, вдохновенно взглянул на солнце, висевшее в зените, резко отвернулся и расстегнув ширинку моментально начал поливать стену желтой жижей. Хотелось послушать "Любовь поэта" Роберта Шумана и дать пинка этому засранцу под весёлое развитие композиции, а потом смотреть, как он падает в желтый снег, но... пусть се-

бе живет, дышит воздухом и смотрит на серый дым из труб и пусть мама даст ему по жопе. Мама, а не я.

Асоциальная картина сменилась двумя девушками благоговейно рассматривающими стены и исчезнувшими где-то в подвале. Мне туда! Там тепло уж точно. И эти мысли не дают мне стоять на месте. Я иду за барышнями и попадаю в темные катакомбы, где раньше лежали стволы местного момшон кардоне и Ле бревиль Мон роше 1968 года. Короче, пойло. Слово понятное каждому. А сейчас тут лежал представитель местной интеллигенции, уставший от гнёта бытия и стоял аппарат со снеками и "Пепси". Не задумываясь, кидаю монеты – все, что были двушки, пятерки, рубли и даже червонцы. И не замечаю, что этот мерзавец их просто жрет. Жрет, как хотел бы это делать я, с упоением и сладостным чавканьем. И когда он всё скушал, я понял, что взамен я ничего не получу. Знаете, тут руки опустились, я развернулся к этому бесчувственному гаду задом и просто сполз вдоль него, предварительно присадив ему ногой под его железный "дых".

Трапеза состоялась в заведении напротив. Прекрасное бельгийское пшеничное, сэндвичи, бурито и какие-то еще вкусняшки. Теперь можно было приступить к знакомству с искусством, но 3 января – день не слишком годный для презентации творчества. Это знает каждый член "Винзавода". От того здесь было пустынно только сам собственно винзавод действительно всё еще чадил своими трубами и плескал

по бутылкам дешёвое красное. Здорово. Возвращаемся на Киевский, читая по пути про тлен и Цоя, который до сих пор жив...

...Мне кажется, что не стоит трогать Ролс-ройс, если он не просто стоит в московской подворотне, а стоит недалеко от Кремля и прямо напротив местного ГУВД. Мишка так не думал и смотрел на прекрасный кожаный салон, который говорят, делают из альпийских коровок, веками делающих "мууу" в приграничных швейцарских "кастомах". Не понятно, чем именно они заслужили такую честь – быть увековеченными, стать частью произведения искусства и рано или поздно оказаться либо в музее, либо в частной коллекции, либо неподалеку от Кремля напротив местного ГУВД.

Коровки до того, как их зарезали у входа в дубильню делали "Мууу", а Миша до того как его застукали за рассматриванием чужих предметов роскоши делал "Ооо". Что между ними общего? Наверное, любовь к жизни: оба до момента возникновения опасности жили себе не тужили и радовались жизни.

"Руки вскинь кверху, э!" – это бравый полковник размахивал волюной с порога полицейского участка и пытался устрашить и без того напуганного Мишку. "Стоять на месте, я сказал". Мишка было стал оправдываться, но полковник передернул затвор и стал прицеливаться. "Ты кто, и какого тебе надо от моей машины?" – выговорил полковник.

– Я просто посмотреть, извините, я не хотел, – дрожал

Мишка.

– А ну, сука! Щас я те дам посомтреть!

– А что я сделал-то? – не терял надежды оправдаться

Мишка.

– А ты, сссука, на чужое позарился!

Полковник сделал пару неуверенных шагов вперед и покачиваясь подошел к стоящей машине и дрожащему Мишке. Подозреваемый даже не думал бежать, он просто стоял в недоумении с поднятыми руками, хотя действительно не был связан с криминалом и просто решил посмотреть на чужой дорогой автомобиль.

– Серёжа! – крикнул полковник в сторону открытого окна. – Серё! Жа!

Из окна высунулась короткостриженная бошка и чуть не застряла в решетке.

– Да! Что? Ох, ё.. Твою.. Товарищ..

Серёжа произнес всё, что пришло ему в голову и засунулся обратно. Через секунду во двор выбежали два тяжеловооруженных воина в доспехах, обтянутых черной тканью, сержант и Серёжа без кителя, в одной рубашке, на которой не было погон:

– Что случилось, тврщ Полковник?

– Да вот, сссука, хотел мою машину...! – полковник кивнул на подозреваемого.

Мишка как нервнобольной мотал бошкой по горизонтали.

– Кто такие, граждане? Документы.

Миша дернулся в карман, а полковник дёрнул пистолетом в сторону кармана.

– Спокойно, товарищ полковник – сейчас всё проверим, – Серёжа отодвинул руку полковника с пистолетом в сторону машины и корпусом отодвинул полковника.

– Я их тут ща порешаю! – заорал полковник и отодвинул Серёжу. – А, ну, сука, на землю.

Полковник заорал и нервно стал махать оружием, направляя его то в Мишу, то в меня, всё время стоявшего сбоку и наблюдавшего за падением нравственности в министерстве внутренних дел.

– На землю, сука, я сказал, – полковник для убедительности сделал неловкое движение в сторону преступников и замахнулся на Мишку, но сержант и Серёжа вовремя подскочили и остановили всё это.

Мишка не успел выполнить требования ни Серёжи, ни полковника и так и стоял с рукой во внутреннем кармане видать уже просто грея её и ожидая конца всего этого.

Полковник стал успокаиваться. Остальные ему что-то говорили и вяло боролись с побагровевшим полицейским начальником. Его стали уводить обратно в здание, двое бойца из полицейского ларца подошли к нам и всё-таки проверили документы. Через боль, страдания и минуту прибежал Серёжа:

– Мужики, простите, Новый год. Не обессудьте, – он хлопнул по плечу, посмотрел как сенбернар, вытащивший нас из

альпийского снежного плена, только что не лизнул нас и убежал в штаб. За ним потащились и бойцы. А мы переглянулись и пошли нафиг дальше...

Красота. Повсюду, в каждом не изуродованном новодельной лужковской лепниной здании. Каждый поэт и каждый художник обязан воспеть эти стены, эти кирпичи, эту архитектуру. Попеременно вскапываем в голове свои знания об Арбате, Пятницкой, Тверской, Кутузовском. Каждый раз, поднимая голову, невольно останавливаемся и смотрим на знаменитые дома. На пересечении с Газетным переулком стоит дом, увешанный мемориальными досками: Адмирал Кузнецов, Екатерина Фурцева, генералы, командармы, академики... Поражает количество личностей, знакомых по учебникам истории, которые проживали здесь в разное время. Теперь здесь огромный Reserved и маленький очередной «Мак».

Не знаю, как остальные, но я смотря на эти сооружения рисую в голове знаменитые фотографии, увиденные некогда и думаю, сколько же случилось всего здесь. Вот, например, помните фото огромной очереди в первый в России McDonald's? Ну, если и не помните, то загуглите. А я помню и зашел не просто в мак погреться и скушать «кантрибургер», но и почувствовать, как тяжело было моему бате, который и мечтать не мог о такой роскоши. Он когда оказался в златоглавой в 1993-м году, то даже не стал стоять в скоплении бывшесоветских безработных, идущих за американски-

ми плюшками. В очереди из тех самых, которых "так долго учили любить твои запретные плоды".

Из легендарной закуской нехотя выходим на мороз и следуем мимо Александра Сергеевича Пушкина вниз по Тверской. Постепенно выходим к Красной площади. Около нее слышим звук, знакомый скорее из фильмов или из бессознательной памяти, доставшейся от предков – это звук куящегося железа. В самом центре старой столицы летят рыжие искры из-под молотов здоровенных мужиков. А местные девушки жалуются, что одни гомосексуалисты остались в Москве и кавказцы, так нет же! Вот вам: пот, огонь, щетина. Подходи, налетай. Такой точно гвоздь вонзится куда надо. И сына воспитает, вот так же таская щегла за ухо.

– Эй, эй, полегче, Макаренко! Ты чего это вздумал, педагог херов, – кричит здоровенному мужику женщина в дорогой шубе, точнее даже типовая местная женщина в типовой шубе.

– Он может тогда поймет, что к чему, – старательно тянет гласные мужчина в огнеупорном фартуке.

– Своего так и будешь воспитывать, – женщина вырывает мальчика из лап кузнеца.

– Технику безопасности кто будет соблюдать, – подключается второй мужчина со скулистым лицом, – Вон тут одна уже полыхала умная, а я ей говорил: не лезь к жерлу горна.

– Горна, жерла, – передергивает шуба. – Пойдем, сынок.

Невыученный урок заканчивается и пацан уходит в соп-

лях, слезах и обидках. А мастера продолжают ковать неплохие розы из железа и шампуры, подковы и, кажется, части ограды.

Хочется. Хочется старой Москвы с каретами, кузнецами и факельным освещением. Но даже в Кремле уже торчат новодельные кирпичи. Какая уж тут старая Москва. Покупаем у кузнецов свежевыкованую розу и, пройдясь по нарядной главной площади страны, идем в тёплый ГУМ. У нас в руках облепиховый чай за 100 рублей и надежда на согрев.

Главный универсальный магазин. Здесь кажется, что вот-вот в резные деревянные двери ворвутся Коровьев и кот Бегемот и начнут то примус починять, то мандарины пролетарию недоступные употреблять.

Мы прошвырнулись по главному продуктовому, поели глазами лососину и чёрную икру, поглазели на пряники, печенья, соленья, варенья и мёд башкирский в берестяной банке. А на выходе даже попили лимонаду, который изготовили при нас, смешав сироп из разноцветных сосудов и газированную воду из самовароподобного устройства.

...Мишка нырнул в подворотню, я за ним.

– Стой! Стой, дурак, хуже будет!

Я кричу ему, он продолжает бежать. За нами тащится скрипучий, протяжный звук, издаваемый воющим мотором горьковского производства. Миша бежит в переход и попадает в очередной двор. Я сворачиваю на Баррикадную улицу и вижу подземный переход. "Туда не пойдут" – думаю и

бросаюсь к гранитным ступенькам, не посыпанным ничем: ни песком, ни реагентами. Хотя это центр и всё должно быть оперативно. Едва не упав, скольжу на дурацкой подошве и счесываю руку о деревянные перила. Деревянные? Да, какого?! Я опять в Саратове? Бегу по переходу, увенчанному портретами Сталина. И вижу тусклый желтый свет. Встаю наверх. Снег серебрится, тёмное небо, спотыкаюсь напоследок и падаю носом прямо к хромовому чёрному сапогу. В нос даёт кирзой и гуталином. Лежу, любуюсь, как белый пушистый снежок садится на чёрный носок тяжелого сапога. "Вот дерьмо!". Хватаюсь руками за сапог и тяну на себя. Нога отбивается, но скользит и юзом загребая рыхлый, влажный снег, зарываясь в него, вытягивается на гладкой блестящей поверхности и оказывается подошвой у моего румяного лица.

"Ссука, не возьмешь просто так!", – вскакиваю и бегу наутёк, но резко торможу. Мне в лицо светят фары и я слышу знакомые из фильмов про тридцатые скрип тормозов и урчание мотора "Эмки".

Часть 2. ТАТЬЯНА

Как мы ехали я не помнил совсем. Через какой-то временной провал я оказался в плохоосвещенном подвальном зале с прекрасной и крепкой каменной выкладкой. Свет был желтый, как будто в воздухе витала пыль от перемолотых в миксере неспелых одуванчиков. Противная зеленая лампа, которая его источала, давно не протиралась и вообще всё здесь было под каким-то лёгким пыльным налетом, словно мы в пустыне и перемолотый песок, висящий в воздухе, совсем никого не удивляет.

Меня допрашивал круглолицый, который постоянной курил, пуская дым мне прямо в лицо. Я морщил лоб, пытаюсь вспомнить две шпалы на петличке – это капитан? Я думал над чем угодно, но никак не задумывался, что, собственно, здесь делаю и почему, вообще, я в каком-то сыром здании сижу на скрипучем стуле, и почему светильник тускло светит мне в глаза, кажется, 40-ватной лампочкой. Ну, которая «Была коптилка да свеча – теперь лампа Ильича». Еще не понятно, почему этот Пуаро напротив сидит и смотрит на меня таким неприятным взглядом, словно я надругался над его двоюродной сестрой, а потом сбежал в день свадьбы.

Капитан ничего не спрашивал – просто сидел и уперто смотрел на меня. Я тоже молчал и продолжал задавать все эти вопросы сам себе. Я чётко осознавал только одно: синий

околыш на фуражке, кожанка, кобура под наган и синие галифе с малиновой полоской по бокам – это набор, присущий для человека, не несущего ровным счетом ничего доброго. Хорошо, если просто расстреляют, а если будут пытаться? И где Мишка?

– Вставай, – двухшпальный продолжал смотреть на меня и произносить это с заботой бабушки. – Встава-ай.

– Странно для энкавэдэшника.

– Что?

– Ничего. Мягко Вы со мной.

Он подошел и похлопал меня по плечу: "Вставай! Пошли. Мы приехали".

Я встал и пошел за ним. Он шел в сторону окна. От туда бил яркий свет и его пятно всё больше расплывалось, а силуэт пропадал. И тут я услышал обрывистый смех...

Миша смеялся с меня, потому что я врезался еще не очнувшись ото сна и врезался в столб с прекрасным барельефом, на котором сильный мужчина в крестьянской одежде любовно смотрел на колоски, выращенные в ласковых золотистых южно-русских полях. Мужчина сидел неподвижно, потому что он был бронзовый, а я стоял неподвижно, потому что еще не осознавал, где я и что происходит.

Татьяна как обычно не холодно и не жарко поцеловала меня. Она буквально секунду посмотрела на меня своим игривым, в меру нежным, в меру довольным взглядом и схватила под руку, развернув на 180 градусов. "Привет!" – ко мне

притерлась щекой Наташа – Танина подруга.

Мы познакомились с Татьяной по-дурацки просто и детям бы это рассказать было даже не интересно. Если без всяких художественных отступлений и выдумок, то однажды ко мне подседа симпатичная особа с просто милой улыбкой. Такая тёмная брюнетка села ко мне, обожателю блондинок и начала улыбаться и рассказывать истории про «специи» от Ибрагима, «натс» от Карима и кальяны от Мухаммбатта. Я смеялся, потому что был пьян. А вот сердце почему-то колотилось, и жар разливался сначала по груди, а потом и по всему телу. Она показывала фотографии себя в разных фото-позициях, стыдливо, кокетливо и главное замедленно пролистывая фотографии своего шикарного пресса и даже не только его. Она улыбалась и от нее пахло, кажется, Dior и красные её губы что-то шептали и сквозь коньячный туман я уже слабо различал её слова.

Она была непростой девушкой. Она была такой, какой мы, провинциалы, представляем себе москвичку. Красиво упакованной, немного стервозной, недоверчивой, но где-то глубоко чувственной и обнажающей эти чувства лишь раз в год, когда встретит козерога в зените водолея. Или когда увидит именно тёмно-красный шар, проплывающий по дымному московскому небу, кричащий: «Таня, Танечка, не плачь, открывай себя ему!» Она клялась, что по-настоящему открывается только, когда пьяна, но не пьёт никогда, потому что.. потому что с ней что-то не так. Она не объясняла, я не

спрашивал. Надеюсь, она не врет и всё будет с ней хорошо, но ей лучше не пить и я это знаю, и мне это нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.